

Теория и история культуры
Theory and history of culture

УДК 94
ББК 63.3(0)521

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. И. И. Калиганов
г. Москва, Россия

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг. ГЕНЕРАЛА М. А. ГАЗЕНКАМПФА

Аннотация: В статье анализируются письма участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. А. Газенкампфа, который был прикомандирован к штабу русской Действующей армии для составления регулярных донесений о текущей военной обстановке в Болгарии. Человек тонкий, умный и наблюдательный, он, помимо донесений, почти через день писал письма своей жене, оставив потомкам массу сведений о Болгарии, ее природе, городах и селах, физическом облике болгар, их поведении, жилищах и обычаях. Большую ценность представляют его письма и как свидетельства изменяющихся умонастроений русских «верхов» в отношении политического будущего Болгарии и степени готовности болгар самим с оружием в руках включиться в борьбу против турок за свою свободу.

Ключевые слова: Газенкампф, дневник, русско-турецкая война 1877–1878 гг., природа Болгарии, описание Тырнова, Габрова, Казанлыка, Стара-Загоры, Адрианополя, Сан-Стефано, физический облик и жилища болгар, солдатский и командный быт, умонастроения в русских «верхах».

Информация об авторе: Игорь Иванович Калиганов — доктор филологических наук, профессор, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 А, корп. В, 117136 г. Москва, Россия. E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Дата поступления статьи: 07.05.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Среди воспоминаний участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. особое место занимает дневник Михаила Александровича Газенкампфа (1843–1913). Он был выходцем из дворян Санкт-Петербургской губернии, совершил яркую военную карьеру, дослужился до звания генерал-лейтенанта, стал заслуженным ординарным профессором известной Николаевской академии, которую сам некогда окончил, занимал такие высокие должности, как губернатор Астраханской губернии и наказной атаман Астраханского Казачьего войска, являлся членом Совета Государственной обороны и т. д. Газенкампф обладал способностью четко формулировать свои мысли, излагал их на бумаге прекрасным слогом, занимался наукой, написал ряд трудов об организации обозного дела и особенностях снабжения русских и иностранных войск. Поэтому не было случайностью, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его, 34-лет-

него профессора Николаевской академии, командировали в Болгарию в штаб Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича Старшего. В круг его обязанностей входили ведение журнала боевых действий, составление донесений императору Александру II и заведование отделом печати при армии. Ритм работы в штабе у Газенкампа был довольно напряженным, но он успевал выкраивать время для написания писем своей жене, отправляя их в Санкт-Петербург по несколько раз в неделю. Всего им было отправлено 116 писем, опубликованных в журнале «Вестник Европы» и позднее вышедших в Санкт-Петербурге отдельным изданием с дополнением исторических документов [4].

В отличие от деловых депеш и сообщений письма Газенкампа отражают непосредственные эмоции и чувства, которые он испытывал при своем знакомстве с Болгарией и болгарами. Впервые увидел болгарскую землю в разгар лета в конце июня 1877 г. Пейзажи болгарской земли и картинки из народной болгарской жизни приводили его в восхищение. Таковы были его чувства при переходе отряда войск, в котором он находился от Акчаира до села Иванчи. По его описанию, это происходило солнечным, безоблачным утром по привольной холмистой степи, покрытой высокой, сочной, душистой травой. Отряд вдыхал свежий после ночной грозы воздух, двигаясь по направлению к синеющим вдали балканским предгорьям. Болгарское население из попутных деревень высыпало навстречу, все были очень воодушевлены, кричали «ура», кидали цветы под ноги лошадей. При этом болгары низко кланялись, крестились и хлопали в ладоши.

О деревне Иванчи, где отряд устроил первый привал, Газенкампф писал, что она расположена по обоим берегам реки и просто утопает в зелени. Жители Иванчи встретили русских солдат и офицеров очень приветливо¹ и принесли им вдоволь всяческой снеди: хлеба, фруктов, птицы и пр. Деревни не коснулось пламя войны, и видно было, что ее обитатели вполне зажиточны. Правда, все они были одеты грязно и неряшливо. По словам Газенкампа, на поведении болгар лежала печать многовекового рабства: они были очень робки и осторожны, хотя женщины и дети довольно быстро освоились и окружили толпой солдат на бивуаке. Одна из девочек лет восьми даже стала играть с Великим князем Николай Николаевичем, бегала с ним наперегонки, и тот подарил ей полуимпериал, вызвав смятение находившейся рядом пожилой женщины. Та на всякий случай поспешно увела домой заплакавшую из-за этого девочку. По наблюдению Газенкампа, тамошние болгары по внешнему виду мало чем отличались от турок — такие же низкорослые и сухопарые, с типами головы и лица, очень похожими на турецкие². Женщины, очевидно, быстро стареют — Газенкампф так и не понял, мать это была девочки или бабушка. По его предположению, схожесть болгар с турками, видимо, объясняется примесью в них турецкой крови из-за права первой ночи турок в отношении болгарских женщин и их частыми изнасилованиями [4, с. 50].

При приближении к Тырново отряд оказался в восхитительном ущелье, образуемом стремительным течением реки Янтры. Так же как и в Иванчи, жители окрестных деревень скандировали радостное «ура», забрасывали Великого князя и его окружение цветами, зеленью, вышитыми полотенцами и салфетками. Отряд миновал два мона-

¹ Так было всегда, когда болгары встречали русские войска в первый раз, но затем при последующих встречах с освободителями радость постепенно притуплялась, тем более что семейные запасы съестного у болгар начали стремительно таять. Поэтому встречи с нашими солдатами становились все более прохладными. См.: [2, с. 77, 80–81].

² Об этническом облике болгар см. сведения в очерке Е. Н. Водовозовой: [10, с. 282–283].

стыря, расположенных по обе стороны от дороги на лесистых скатах гор, и перед ним открылся живописный вид Тырнова. К городу поднималась крутая дорога, но вся она была запружена частями и обозами русского VIII армейского корпуса, поэтому было решено спуститься к Янтре и, переправившись через нее вброд, подняться с правого берега по головокружительно крутой тропинке вверх. Наверху тропинка превращалась в дорогу, и здесь войска по приказу Великого князя подтянулись и построились в стройные колонны. В город вступали торжественно, с музыкой и песнями — взвод гвардейских казаков с хором позади и эскадрон лейб-гвардии казачьего Его Величества полка с песенниками впереди. Посередине между ними находился Великий князь Николай Николаевич со свитой и великокняжеским вымпелом.

Местоположение Тырнова Газенкампф характеризует как «замечательно живописное». Древняя болгарская столица, по его словам, расположена на фоне синеватых Балканских вершин с одной стороны, а с другой — его территория обрывается глубоким ущельем Янтры с зеленеющими предгорьями. Городские улицы были очень тесны, растекаясь извилистыми лабиринтами по скатам гор. Тырновские дома, по свидетельству Газенкампфа, представляли собой весьма необычные постройки. Они были возведены из нетесаного камня, причем верхние этажи выступали над нижними, а те, как правило, не имели окон. Здесь была расположена только дверь, а окна смотрели во двор, образуя террасы с несколькими уровнями или же прилегая к обрывистому берегу Янтры, чьи воды шумели далеко внизу. От обрыва дворы были отгорожены невысокими стенами. На верхних этажах балконы и окна были снабжены решетками, стекла отсутствовали. Если на нижнем этаже была оборудована лавка, то в ней не было дверей — на ночь открытый этаж перекрывался наглухо. Расстояние между противоположными домами улицы было настолько мало, что нависающие сверху черепичные крыши почти касались друг друга, оставляя прохожему для обозрения лишь узкую полоску неба [4, с. 50]. А внизу на узких улицах две встречные обозные повозки не могли разминуться. Кроме того, в уличном лабиринте ориентироваться было просто невозможно.

Узость улиц и их запутанность препятствовали остановке отряда на отдых в городе. Поэтому решено было разбить его в городских окрестностях, но по пути Великий князь Николай Николаевич и часть его свиты были приглашены в дом одного из тырновцев. Газенкампф пишет, что с улицы в этот дом дверь вела в вымощенный плитами дворик, оттуда поднималась лестница на самый верхний просторный этаж. В этом же дворике вниз спускалась лестница на два других этажа: средний и нижний. Последний являлся самым невысоким и тесным. Из него открывался выход в садик, отгороженный от обрывистого ущелья Янтры каменной стенкой. Предусмотрен был в доме и доступ к реке: вниз вели немислимо крутые ступеньки к воде. Помещения дома, по словам Газенкампфа, были исключительно опрятны, полы невероятно чистые, стены аккуратно выбелены. Мебели в комнатах было мало: лишь покрытые бумажными скатертями и салфетками небольшие столики и узкие, намертво прикрепленные к стенам по периметру деревянные скамейки, покрытые дешевыми накидками. Гостей поразило обилие встроенных в стену шкафов и шкафчиков. Окна были занавешены бумажными занавесками белого цвета³. О кухне Газенкампф не оставил нам подробного описания — он лишь отметил, что на ней царили чистота и порядок. Угощение хозяев дома было

³ В мемуарах участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. существуют прекрасные описания богатых турецких домов: паши в Тырново и бея в Стара-Загоре. См.: [7, с. 293; 3, с. 72–74]. Описание дома зажиточного болгарина Вылко Павурджиева в Свиштове приводит писатель В. В. Крестовский [11, с. 163].

достаточно скромное. Для гостей приготовили местное белое и красное вино, овечий сыр и две разновидности хлеба из пшеничной муки, смешанной с кукурузой и ячменем [4, с. 51].

Газенкампф также добавлял, что мостовые Тырново были выложены крупным булыжником и изобиловали частыми ступенями и ухабами. Ступать по ним лошадям было невероятно трудно, поэтому по городу отряд передвигался очень медленно и гуськом из-за узости улиц. Но это позволяло тырновцам рассмотреть каждого русского по одиночке и вдоволь налюбоваться их шествием. На улицы и балконы, по свидетельству Газенкампфа, высыпало все местное население. Он писал, что никогда до этого ему не приходилось видеть картину такого воодушевления и неудержимого народного восторга⁴. Лица людей сияли счастьем, глаза блестели и светились беспредельной благодарностью и уверенностью, что с турецким игом теперь покончено навсегда [4, с. 52–53]. Возможно, это происходило еще и потому, что никогда прежде русские солдаты Тырново от турок не освобождали — отряд Гурко появился в нем впервые. Видимо, поэтому болгары столь щедро потчевали русские войска и снабжали их всем необходимым. Газенкампф отмечал, что экономическое благоденствие болгар можно считать недостижимой мечтой для русских крестьян. И тяжесть турецкого ига для болгар заключалась не в их нищете, а в незнании того, что произойдет с ними в следующую минуту. Любой болгарин по прихоти турок мог внезапно лишиться всего — жены, детей, имущества, собственной жизни или жизней близких [4, с. 54].

Благополучие болгар, по мысли Газенкампфа, отбивало у большинства из них желание рисковать своей жизнью и браться за оружие. Довольно быстро в русской армии от самых высших сфер до низших чинов стало «заметно общее разочарование в болгарях» [4, с. 61]. Надежда на болгарское соучастие в борьбе против турок быстро развеялась. В командовании считали, что после переправы наших войск через Дунай к ним сразу же присоединятся массы болгарских добровольцев, но этого не случилось. К шести сформированным еще до начала войны вне Болгарии дружинам болгарских добровольцев позднее не прибавилось ни одной новой дружины⁵. Более того, не нашлось ни одного нового болгарского добровольца на восполнение личного состава дружин, таявшего в результате боев против турок. По этой причине в русских верхах начали склоняться к мысли о довольствовании лишь образованием вассального Болгарского княжества в придунайской Болгарии и автономии Болгарии задунайской. Возникали идеи поумерить свои аппетиты, оставить Османской империи разваливаться понемногу сама собой и забыть о проливах, поскольку настоящего русского флота в Черном море по существу-то и не было [4].

По словам Газенкампфа, томившийся в турецкой неволе болгарский народ утратил воинственность и стремление избавиться от турок. В нем есть такие хорошие задатки, как трудолюбие, бережливость и трезвенность, которые в мирных условиях могут принести обильные плоды. Что же касается воинственности, то следов ее не обнару-

⁴ О восторженных встречах болгарами русских освободителей пишут и многие другие участники русско-турецкой войны 1877–1878 гг. См., например, описания встреч наших солдат в болгарских городах Дряново и Горна Оряховица у писателя В. И. Немировича-Данченко и казачьего офицера П. Дукмасова [12, с. 35; 8, с. 333]. Они противоречат утверждению лейб-медика, проф. С. П. Боткина о притворном характере восторга болгар при встрече с освободителями [13, с. 86].

⁵ Это подтверждают и архивные данные. Собрать, как планировалось, 12000 болгарских ополченцев-добровольцев не удалось. При втором наборе болгарских ополченцев вместо 6000 человек смогли привлечь только 4697 болгар. Более 1300 предназначенных для болгарских ополченцев комплектов обмундирования и вооружения остались невостребованными [14, с. 102].

живалось — болгарский народ был робок. Да и для чего ему было подниматься против турок, если он жил в таком благосостоянии, — писал Газенкампф, — до которого «русским крестьянам как до звезды небесной далеко» [4, с. 61].

В мемуарной литературе встречается мало упоминаний о взятии русскими войсками Софии 23 декабря 1877 г., вероятно, по причине относительно малой кровопролитности этого события. Дело это, по словам Газенкампфа, происходило так. Вначале авангард генерала Рауха, состоявший из Преображенского и Измайловского полков и приданной ему гвардейской стрелковой бригады, занял Искырский мост, находившийся в 8 верстах от Софии. Турки при этом оказали сопротивление, но оно стало бессмысленным после обходного маневра преображенцев, которые пересекли Искыр по льду. После этого турки побросали свои укрепления, бежали к Софии и подожгли мост при въезде в нее. Но огонь удалось быстро погасить [4, с. 278].

Останавливался Газенкампф и на вопросе недостаточного снабжения наших войск. Сложность ландшафта Болгарии и особенно трудности при неоднократных переходах наших войск через Балканы приводили к катастрофическому износу обмундирования. Газенкампф сообщал, что к концу декабря 1877 г. офицеры и нижние чины оказались не только без сапог (что произошло гораздо раньше), но и без шаровар. Мундиры и шинели превратились в лохмотья: они утратили ворс и представляли собой тканевую клетчатку. У большинства гвардейцев не было даже нижнего белья — оно истлело или было разорвано в клочья⁶. Положение отчасти улучшилось после передачи солдатам и офицерам турецкой одежды и обуви, которые обнаружили на складах в Орхани, но и они быстро изорвались. Великий князь Николай Николаевич был вынужден обратиться с просьбой к императору Александру II, послав шифровку с настоятельной просьбой об обмундировании для наших солдат и офицеров [4, с. 280].

Газенкампф также свидетельствовал о восторженной встрече, которая была оказана русским войскам в Габрове. Он сравнивал ее со встречей в Тырнове, но там восторг был от сознания бескровной легкости, с которой нам удалось занять город, а здесь на лицах людей читалось восторженное осознание важности одержанных блистательных побед. Габрово Газенкампф назвал средоточием болгарского народного самосознания, в котором никогда не умирала вера в освобождение от турецкого ига. Именно здесь, по его мнению, концентрировался цвет болгарской интеллигенции. Габровцы сроднились с русскими войсками, переживая вместе с ними горечь поражений и ликование триумфов Шипкинской эпопеи. По всему городу болгары соорудили деревянные, украшенные зеленью триумфальные арки и встречали ехавших под звуки гимна «Боже, царя храни» русских освободителей радостными криками «ура». У домов, отведенных на постой Великому князю Николаю Николаевичу и первым лицам его свиты, хозяева приветствовали гостей торжественными речами. Газенкампфа разместили в красивом доме, находящемся рядом с рекой Янтрой. Габрово чем-то напомнил ему швейцарские горные села южнее Интерлакена — рельефом местности, архитектурой домов и костюмами жителей [4, с. 306–307].

В Габрове в составе свиты Великого князя Газенкампф почти сразу же посетил наших раненых, лежавших в женском монастыре и гимназии. Первый представлял собой длинное одноэтажное здание с высоким каменным забором. Внутри здания рас-

⁶ Художник-баталист В. В. Верещагин писал о том, в каких рваных холодных шинелишках воевали наши солдаты, а служивший в дивизионном лазарете священник В. В. Гурьев сообщал, что убитых и умерших хоронили в одном нижнем белье: верхнюю одежду мертвых заимствовали для живых [9, с. 21; 5, с. 45–46].

полагался большой квадратный двор. Гостей поразила манера монашек выражать свой восторг оглушительным звоном медных тарелок. А во втором лазарете, где лежали низшие чины, важные посетители обратили внимание на достойное поведение раненых: ни стонов, ни криков — веселый и воодушевленный вид. Великий князь Николай Николаевич ласково поговорил со многими из них, записывая данные для награждения в дальнейшем отличившихся именными георгиевскими крестами. Запечатлелся в памяти Газенкампа и вид толпы пленных турок, конвоируемых русскими солдатами. Последние пытались разговаривать с турками на ломаном русском языке, видимо полагая, что те так их лучше поймут. Они весело шутили с пленниками, не испытывая к ним ни малейшей ненависти. А в ресторане «Петербург», набитом нашими и пленными турецкими офицерами, на Газенкампа произвели впечатление дружелюбность разговоров и угощение нашими своих вчерашних врагов. Один из пленных даже сказал, что если бы турки знали, какие милейшие люди, эти русские офицеры, то без промедления бы им сдались [4, с. 307–308].

Глубокий след в памяти Газенкампа оставили виды села Шипка, Казанлыка и Казанлыкской долины. Еще в июле в селе имелось около 400 каменных домов и масса зелени. Но все это восьмого августа буквально сровняли с землей черкесы и башибузуки Сулеймана-паши. От деревни Шипки до Казанлыка расстояние составляло около 12 верст. Город предстал перед путниками абсолютно пустынным, поскольку его покинули как местные жители, так и турки. Лучшие дома в нем оказались заняты турецкими лазаретами, поэтому Газенкампфу и его спутникам пришлось поселиться, где придется. Казанлык показался ему прекрасным своим обилием каменных домов, садиками и фонтанами почти в каждом внутреннем дворе. В них росли роскошные южные деревья, кустарники и цветы. В целом внутренние дворы вызвали у всех больший интерес, потому что самые красивые части зданий, как это принято на Востоке, были скрыты от посторонних глаз и находились в глубине дворов. Соперничать с ними по красоте внешние части не могут. Внутри все было устроено гораздо более изящно, и обращало на себя внимание то, что дворы соседей обычно сообщались между собой узенькими тропинками и внутренними калитками в каменных стенах. Это позволяло пройти значительное расстояние через дворы, не выходя на улицу [4, с. 327].

Газенкампф сообщал, что вокруг города на расстоянии 5 верст виднелись сплошные розовые сады, и поэтому местность эта получила название Долина Роз. По его свидетельству, в этой части Болгарии производят знаменитое розовое масло, для фунта которого требуется не менее 1000 фунтов лепестков роз. Отсюда и такая высокая цена розового масла: одна его емкость размером с бутылку шампанского стоит в Болгарии не менее 350 руб. Особенно впечатлил Газенкампа случай с нашим солдатом, нашедшим большую бутылку с розовым маслом в пустом доме. Не подозревая об истинной стоимости своей находки (она тянула по крайней мере рублей на 400), солдат, разумеется, первым делом понюхал содержимое бутылки. Решив, что к употреблению внутрь оно не годится, он смазал розовым маслом волосы, усы, бороду, а затем и свои сапоги⁷. Когда солдату разъяснили, сколько денег он потерял, тот нисколько не смутился, потому что попросту сказанному не поверил.

12 января 1878 г. Газенкампф со спутниками затемно отправились верхом из Казанлыка в Стара-Загору (Эски-Загру) и около 8 часов утра стали свидетелями чудесного рассвета. Они любовались переливами лучей восходящего солнца на склонах окружа-

⁷ Эта история из уст в уста передавалась среди участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и вошла в мемуары многих из них. См., например, воспоминания медсестры С. А. Кениг: [8, с. 102].

ших Казанлыкскую долину гор. Их освещение непрерывно менялось и представляло собой поистине волшебное зрелище, впечатлявшее даже равнодушных к природным пейзажам людей. Удивительным было то, что на горах уже не было снега и они еще не успели покрыться зеленью, тем не менее вид их казался просто сказочным. По словам Газенкампа, трудно было себе представить, насколько чарующим является здесь восход солнца зимой или в разгар лета [4, с. 358–359]. Через 12 верст широкая дорога привела к Дербендкейскому ущелью Малых Балкан. Вначале она оставалась нормальной, но затем сузилась и стала вилять по узким карнизам и дну стремительного горного ручья. Путники изумлялись, как по такой дороге через ущелье мог протиснуться наш обоз, отправленный в Стара-Загору загодя. В дальнейшем оказалось, что он прибыл в город благополучно, правда затратив на путь 16 часов и понеся урон в несколько сломанных колес и дышел [4, с. 359]⁸.

Стара-Загора предстала перед путниками лежащей в развалинах. Участники первого забалканского похода видели ее ранее совсем другой. Они говорили, что город этот был большим, богатым и превосходил по красоте Казанлык. Теперь же в нем уцелело всего 29 домов, зиявших пустыми оконными глазницами, поскольку все стекла в них были выбиты. Каменные стены других домов были срыты до основания турками, которые, отбив у русских город 18 июля, мстили болгарам за разрушение турецких домов в начале июля после занятия города отрядом Гурко. При этом Газенкампф свидетельствовал, что турки во время войны 1877–1878 гг. ни разу не начинали свирепствовать над болгарами первые, а лишь в ответ на болгарские насилия над мусульманами. По его наблюдению, как только в городах и селах появлялись наши войска, болгары сразу же принимались повсюду грабить и резать турок, хотя это и понятно: ненависть к ним у болгар за 400 лет рабства накопилась страшная. Постоянная угроза потерять все, включая и жизнь, по прихоти любого из турок не могла не возбудить у болгар ничего другого, кроме этой безграничной ненависти к своим угнетателям. Что же касается зажиточности, то здесь, по словам Газенкампа, болгарам мог бы позавидовать любой европейский крестьянин или горожанин [4, с. 359]⁹.

По словам Газенкампа, ныне не только болгары, но и их угнетатели стали сознавать, что турецкому владычеству пришел конец. Проникнутые таким убеждением турки испытывали ужасную панику и поголовно покидали свои родные села, где ожидался приход наших войск. «Это не бегство, — писал Газенкампф, — это выселение целого народа» [4, с. 359].

Оставил нам Газенкампф и описание Адрианополя, куда он прибыл по железной дороге вместе с Великим князем из Харманли. По пути они видели колонны русских гвардейцев, идущих вдоль железнодорожного полотна. При виде высокого командования те в ответ на его приветствия разражались восторженными криками «ура». Выглядели гвардейцы очень живописно и своим обликом напоминали настоящих башибузуков: в порыжевших оборванных шинелях без погон, в чалмах, фесках и платках на голове вместо фуражек, в опанках, опорках и каких-то обмотанных веревочками суконках, наподобие лаптей, вместо солдатских сапог. Часть из гвардейцев шла вообще без какой-либо обуви, т. е. босиком. Контрастом выглядела встреча в Адрианополе, где на станции в двух верстах от города был выстроен почетный караул из скобелевских солдат из 16-й пехотной дивизии с развернутым знаменем. Здесь же находились гене-

⁸ О том, насколько неудобными были обозные повозки и как часто они ломались, с возмущением писал священник В. В. Гурьев [5, с. 256–258].

⁹ См. также: [7, с. 48; 1, с. 5–6].

ралы М. Д. Скобелев и И. В. Гурко в окружении своих свит и штабов. Встреча была восторженной и задушевно трогательной, с объятиями, поцелуями и благодарностями Великого князя Николая Николаевича героям. Оставшееся расстояние до города свита преодолела верхом сквозь второй почетный караул лейб-гвардии Преображенского полка, а затем шеренги солдат скобелевской и гурковской дивизий.

Вслед за войсковыми шпалерами начались шпалеры местного Адрианопольского населения, высыпавшего навстречу Великому князю. Среди громадного стечения народа выделялись значки и знамена делегаций от греческой, армянской, болгарской и еврейской диаспор. Поражало обилие духовенства с хорами певчих, хоругвями, зажженными свечами. От греков и болгар в торжестве приняли участие хоры молодых девушек и девочек, а от армян и евреев — хоры мальчиков. Особенно звонкими были голоса еврейских мальчиков. Они настолько громко и пронзительно пели еврейский гимн, что вызвали у присутствующих опасение за целостность своих барабанных перепонок. Христианские песнопения поразили всех своей мелодичностью. Каждая из делегаций произнесла свою приветственную речь на родном языке, и, поскольку смысл их оставался непонятым, гостям в конце церемонии поднесли тексты речей в письменном виде с переводом на русский язык. По окончании речей гостей забросали букетами цветов, миртовыми и лавровыми ветками, и они двинулись дальше в сопровождении очень живописной разношерстной толпы из греков, болгар, турок, куцовлахов, цинцар, цыган, армян, евреев, арабов и персов обоюбого пола. Границей города служил великолепный мост через реку Марицу.

Газенкампф писал, что в самом Адрианополе все окна и балконы были заняты женщинами, на улицах присутствовали лишь мужчины. По ходу движения процессии из толпы раздавались громкие возгласы «Да живее!» по-болгарски и «Зито!» по-гречески. Газенкампф отмечал, что в Адрианополе греки доминируют, хотя по своей численности уступают болгарам, которые подверглись значительной эллинизации. Это было видно по болгарским нравам, обычаям, одежде и даже по языку. Представители этих двух народов вместе с армянами, по его словам, составляли местную интеллигенцию, которая одевалась по-европейски, исповедовала католицизм и держалась в стороне от своих православных земляков.

Воскресная обедня состоялась в греческом соборе — в том самом, где в 1829 г. на подобной литургии присутствовал командующий русскими войсками генерал Дибич. Построенный в византийском стиле собор, согласно описанию Газенкампфа, на вид казался очень древним, хотя на самом деле ему было всего 170 лет. Пол в нем был из мрамора и украшен мозаикой, стены и потолки усеяны небольшими квадратными иконами, иконостас выполнен из резной бронзы. По длине собор разделяли на три части балюстрады. С правой стороны находилось длинное женское отделение, отгороженное от открытой части храма частой бронзовой решеткой. Такая же ограда использовалась для женского отделения и на хорах. Подобная отгороженность была приметой восточного образа жизни: женщины должны были оставаться невидимыми для посторонних глаз. Единственно, в чем до конца не был уверен Газенкампф, так это то, видят ли женщины богомольцев храма сквозь частую решетку. Сами же они сквозь нее совершенно не просматривались.

После долгой литургии русские гости были приглашены в митрополичий дом. Все было обставлено очень торжественно. Впереди шли певчие, за ними дьяконы и священники с иконами, крестами, хоругвями и зажженными свечами. Следом — греческий митрополит с духовной свитой, за ними — Великий князь Николай Николаевич со сви-

той светской, а еще далее — менее приближенные к князю чины и люди. В самом доме певчие и греческие иерархи выстроились в огромной приемной зале с митрополитом впереди. Певчие спели что-то божественное по-гречески, завершив вместе с духовенством пение громким троекратным «Зито!» Громче всех заздравницу кричал толстый, черноволосый митрополит, который, как рассказывали, всего четыре недели назад получил из рук султана усыпанную бриллиантами звезду ордена «Османие» за верность туркам. Утверждали также, что митрополит всячески угождал мусульманам, травил болгар и даже благословлял башибузуков. «Лукавый и лживый народ греки: исподлились совсем еще в византийские времена», — вынес им свой приговор Газенкампф [4, с. 382]. После приема гостей пригласили в отдельную комнату, где угостили папиросами, а затем водой с несколькими сортами варенья¹⁰. В завершение всем предложили чай со сливками и белым хлебом. Газенкампф обратил внимание на то, что греческое духовенство курит поголовно.

Осмотр города верхом не принес Газенкампфу радостных впечатлений. Мощные улицы Адрианополя оказались грязными и вонючими. Не отличались чистотой и мрачные фасады зданий. Большая их часть была трехэтажной, причем верхний этаж выступал над двумя нижними, сближаясь наверху с соседними напротив. Нижние этажи, по свидетельству Газенкампфа, как правило, были каменные, а верхние — деревянные. На первом этаже располагались конюшни, скотные дворы и амбары, а на остальных — жилые помещения. Редкие окна, в особенности на нижнем этаже, обычно имели частые железные и деревянные решетки. Входные ворота и калитки были изготовлены из массивного дуба и окованы железом, крыши покрыты черепицей. Так выглядели дома христиан, а турецкие жилища в отличие от них имели по полтора этажа и были выстроены целиком из камня с минимальным количеством окон. Газенкампф отмечал, что неприглядность и угрюмость домов в Адрианополе снаружи компенсировалась их привлекательностью внутри. Стоило только заглянуть вовнутрь, как впечатление сразу же изменялось: чистые и просторные дворы с бассейнами и фонтанами, прекрасно поддерживаемые сады с глядящими на них большими окнами и стеклянными галереями. Иногда внутри дворов стояли в окружении фонтанов утопающие в зелени прекрасные виллы [4, с. 384].

В городе, по словам Газенкампфа, обилие воды поражало не только во дворах, но и на улицах. Идя по ним, постоянно наталкиваешься на краны с чашками из грубого мрамора. Они находились в нишах домов и имели отводную каменную канавку. Христианских церквей здесь не виднелось: все они были невысокими и запрятанными внутри дворов так, чтобы кресты не бросались в глаза. И наоборот, мусульманские мечети были грандиозными и величественными, а их минареты были настолько высоки, что путники замечали их еще при подъезде к городу. По ним можно было ориентироваться, чего нельзя было сказать о христианских храмах, тем более что улицы в городе были узкие, кривые и запутанные, хотя к базару Газенкампф сумел выйти достаточно легко. Ссылаясь на сведения начальника нашей местной дипломатической канцелярии Ульянова, он писал, что базар этот появился еще при первых византийских императорах, а сам город носит имя основавшего его императора Адриана. От тех времен уцелели остатки стены и башня, напоминающая своей формой усеченный конус. К ней и примыкал базар — крытый, сводчатый коридор между древними каменными стена-

¹⁰ Потчевание гостей водой с несколькими видами варенья и сладостями — обычай, широко распространенный в Балканских землях. О нем писал литератор Е. П. Южаков, командированный журналом «Современник» на славянский юг в 1860 г. [15, с. 200].

ми. Сверху он был покрыт сводчатым потолком с узкими окнами, его освещавшими. Длинной этот коридор был около полуверсты, главные его входы находились по обоим концам, а второстепенные боковые — выходили на близлежащие улицы.

В открытых без дверей лавках, по словам Газенкампфа, продавалась всякая ерунда, хотя имелась здесь уйма ковров и шалей. Но цены на все это выставлялись просто фантастические: гораздо выше, чем в восточных магазинах на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Притом в русской столице качество товаров было на порядок выше. Газенкампф не без основания предположил, что цены в Адрианополе неимоверно взлетели по случаю прихода русских войск. Торговаться он по-настоящему не умел и поэтому не купил себе ничего существенного, кроме двух-трех безделушек. А в наружных, расположенных по внешнюю сторону стен лавках без дверей вещей не было — в них торговали мясом, зеленью и различными съестными припасами. Покупать в них ничего не хотелось, поскольку они не отличались чистотой — более того, некоторые лавки были возмутительно грязными. И на базаре, и на улицах роились разноязычные, громко галдящие толпы. Здесь сновали турки в чалмах, греки, болгары и армяне в красных фесках с черными кисточками, мусульманки с закрытыми зелеными накидками лицами, христианки с лицами открытыми, но в платье того же покроя, что и у мусульманок. Они тоже были облачены в шаровары. Одетую по-европейски женщину Газенкампф встретил только один раз, и то, когда она переходила улицу из одного дома в дом напротив. Европейской обуви Газенкампф не заметил — все женщины были обуты в сандалии с деревянными подошвами и двумя каблуками. К ногам они крепились тонкими ремешками. Обувь, его мнению, явно неудобная, но женщины передвигались в ней быстро и ловко [4, с. 382–386].

От Адрианополя очень близко находился Константинополь, но Газенкампф отдавал себе отчет, что его взятие обернулось бы для России катастрофой. Он писал, что сохранение турецкого владычества в Константинополе есть «наш прямой интерес, ибо мы не в силах заменить его своим». По его словам, благодаря беспримерному подвигу русских войск Османская империя была разбита, но России «совершенно не под силу удержать Константинополь за собой» [4, с. 347]. Боевые порядки русских войск были растянуты, боеприпасы неизвестно когда подвезут, ожидалось прибытие турецких подразделений из очищаемых ими забалканских крепостей, провианта уже не доставало, а местность между Адрианополем и Константинополем была слабо населена и съестными припасами бедна. Кроме того, занятие турецкой столицы, по мнению Газенкампфа, повлекло бы за собой войну с Западной Европой, потому что та ни за что не позволила бы захватить русским Царьград и проливы. России была выгодна лишь отсрочка перемирия — беды от этого для нее никакой не было, а для турок складывалась весьма опасная ситуация. Развитие русских военных успехов могло вызвать в Константинополе революцию и свержение власти султана [4, с. 437].

В этой связи Газенкампф запрашивал мнение императора Александра II по поводу того, какие действия следует предпринимать нашим войскам, если англичане введут свой флот в Босфор, в Константинополе будет высажен иностранный десант или турки начнут резать в столице христиан? Не ясно было также, следует ли нашим войскам продвигаться далее в Галлиполи — азиатскую часть Османской империи, поскольку чуть спустя пришло известие, что три английских броненосца встали на якорь у Принцевых островов, от которых до Константинополя оставалось не более одного часа хода. В ответной депеше император сообщал, что взятие Константинополя и Галлиполи является делом очень рискованным. Случись это раньше во время паники среди турок, пока ан-

глийская эскадра не подошла к Константинополю, такая инициатива сошла бы России с рук. Но теперь она может только обещать, что не станет занимать турецкую столицу и Галлиполи, если Англия даст слово не высаживать своих солдат в европейской или азиатской части Османской империи [4, с. 438].

Воспоминания Газенкампфа ценны и фактом описания Сан-Стефано — местечка, в котором был подписан прелиминарный договор, подводющий итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Все знают его название, но мало кто имеет представление о том, как оно выглядело. Газенкампф пишет о нем как о чудесном городке, сразу же покоровшем его сердце, когда он прибыл в него лунной ночью. Сан-Стефано чем-то напомнил ему итальянскую Палланцу. По его словам, вид Мраморного моря был просто чарующим: вдаль на горизонте отливал синевой малоазийский берег, а посередине моря на Принцевых островах возвышались три горы с белеющими на них домиками. Константинополь с набережной был не виден, зато с мыса, на котором располагалось 16 орудий 1-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады, открывался восхитительный вид на турецкую столицу, Скутари и Босфор. Все утопало в зелени из громадных кипарисов, лавров и миртов, заставляя забыть, что весна еще не наступила. Большинство домов в Сан-Стефано были отельного типа и принадлежали грекам, армянам и левантийцам. Газенкампфу и его напарнику выделили просторную, хорошо меблированную комнату на нижнем этаже прекрасного дома, расположенного на набережной Мраморного моря. При доме имелся чудный сад, и ко всем удобствам добавлялось и то, что он находился всего в двух минутах ходьбы от временной резиденции Великого князя Николая Николаевича.

Для жителей столицы городок служил дачей, поэтому много жилищ принадлежало здесь и европейцам. Дома были устроены однотипно — одно-, двух- и трехэтажные здания с большой залой на каждом этаже, из которой вели двери в отдельные комнаты. Дом, в котором остановился Газенкампф, кроме перечисленного выше, имел большой балкон на бельэтаже, с которого открывался чудесный вид на Мраморное море. В городке кипела жизнь: непрерывно причаливали и отчаливали небольшие пароходы, приезжали и отъезжали любопытные. Нашим офицерам строжайше было запрещено появляться в Константинополе в мундирах до заключения мира — поэтому многие из них раздобывали себе статское платье и отправлялись на осмотр города из любопытства. На берегу моря играла музыка, погода стояла чудесная, и по набережной гуляла публика, приезжавшая из Константинополя. Ей тоже было очень интересно поглазеть на русских солдат и офицеров [4, с. 456–460]. В оживленной толчее самого различного люда — военных, торговцев, уличных музыкантов, гастролирующих девиц легкого поведения и пр. — царил полное дружелюбие и открытая радость приходу наших войск. Все спрашивали, когда мы вступим в Константинополь,

Таким образом, можно заключить, что воспоминания М. А. Газенкампфа примечательны с многих точек зрения. Этот генерал-штабист находился в самой гуще событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. начиная с переправы русских войск через Дунай и кончая заключением предварительного мирного договора с турками в Сан-Стефано. Стекавшиеся к нему сведения носили самый разнообразный характер, и он проверял их подлинность перед составлением регулярных донесений императору Александру II или оглашением представителям русской и зарубежной печати. Газенкампф обладал аналитическим складом ума, прекрасно чувствовал тонкости делового и литературного стилей и фиксировал происходящее с регулярностью, проистекавшей из его должностных обязанностей. Все это позволило ему создать достоверный дневник с описанием

военных событий войны и царивших в верхах умонастроений. Причем дневник этот, ко всем своим прочим достоинствам, был написан прекрасным литературным языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. Изд. 2-е. СПб.: Общественная польза, 1907. 252 с.
- 2 *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878 гг. Записки участника. М.: Унив. Тип., 1900. 177 с.
- 3 Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о генерале М. Д. Скобелеве ординарца его Петра Дукмасова. СПб.: Тип. и литография В. В. Комарова, 1899. 465 с.
- 4 *Газенкамф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. Изд-е испр. и доп. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 624 с.
- 5 *Гурьев В. В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М.: Унив. Тип., 1883. 325 с.; [Репринтное издание: М.: ГПИБ, 2007. 288 с.].
- 6 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве.* М.: Изд-во ИСл РАН, 2009. С. 41–62.
- 7 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских женщин XIX в. (мемуары медсестры С. А. Кениг и врача Н. Г. Драгневич) // *Калиганов И. И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН; ГАСК, 2015. С. 287–289.
- 8 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русской женщины XIX в. (воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. медсестры С. А. Кениг // *Славяноведение.* 2013. № 1. С. 99–104.
- 9 *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (художника-баталиста, лейб-медика и казачьего офицера) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов.* М.: Изд-во ИСл РАН, 2016. С. 317–334.
- 10 *Калиганов И. И.* Русские стереотипы в отношении болгар и Болгар накануне освобождения от турок (очерк о стране Е. Н. Водовозовой) // *Калиганов И. И.* Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН; ГАСК, 2015. С. 278–286.
- 11 *Крестовский В. В.* Собр. соч.: в 8 т. СПб., 1879. Т. 5: Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах. 580 с.
- 12 *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878 гг. СПб.: Изд. Книжного магазина «Нового времени», 1878. Т. 1.
- 13 Письма из Болгарии 1877 г. С. П. Боткина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 376 с.
- 14 *Стоянов И.* Московският славянски комитет и българското опълчение. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2014. 125 с.
- 15 *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии // *Современник.* 1860. № 11. Т. 84.

© 2017. Igor I. Kaliganov

Moscow, Russia

MEMORIES OF A PARTICIPANT IN THE RUSSO-TURKISH WAR OF 1877–1878.
GENERAL M. A. GAZENKAMPF

Abstract: The article analyzes the letters of General Gazenkampf, participant in the Russo-Turkish war of 1877–1878, who was attached to the Staff of the Russian Operating army to draw up regular reports to the emperor Alexander II about the current military situation in Bulgaria. A subtle mind, intelligent and observant man, in addition to his reports he wrote his letters almost every other day to his wife, leaving a lot of information to the descendants on Bulgaria, its nature, cities and villages, the physical appearance of the Bulgarians, their behavior, dwellings and customs. His letters are also of considerable value as the evidence of changing mentality in the Russian “upper echelons” regarding the political future of Bulgaria and the degree of readiness of the Bulgarians themselves to join the struggle for their freedom arms in hands.

Keywords: Gazenkampf, Russian-Turkish war of 1877–1878, letters, nature of Bulgaria, description of the cities of Tirnov, Gabrov, Kazanlak, Stara Zagora, Adrianople, San Stefano, physical appearance of the Bulgarians, their behavior, customs and dwellings, soldier's and commander's everyday life, changing mentality in the Russian “upper echelons”.

Information about the author: Igor I. Kaliganov — DSc in Philology, Professor, The Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Leninsky av., 32A, “B” build., 119334 Moscow, Russia. E-mail: kaliganov2009@mail.ru

Received: May 07, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Amfiteatrov A. *Strana razdora. Balkanskie vpechatleniia* [The country of contention. Balkan impressions]. Izd. 2-e. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1907. 252 p. (In Russian)
- 2 Voyeykov V. V. *Ot Dunaja do Tsar'grada. 1877–1878 gg. Zapiski uchastnika* [From the Danube to Konstantinopole. 1877–1878. Notes of the participant]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1900. 177 p. (In Russian)
- 3 *Vospominaniia o russko-turetskoj vojne 1877–1878 gg. i o generale M. D. Skobelev ordinartsa jego Petra Dukmasova* [Memories of the Russian-Turkish war of 1877–1878 and General M. D. Skobelev by his orderly Peter Dukmasov]. St. Petersburg, Tipografiia i litografiia V. V. Komarova Publ., 1899. 465 p. (In Russian)
- 4 Gazenkampf M. A. *Moj dnevnik 1877–1878 gg. Izdaniie ispravlennoje i dopolnennoje* [My diary. 1877–1878. Second edition, amended and supplement]. St. Petersburg, Izdanie V. Berezovskii Publ., 1908. (In Russian)
- 5 Guryev V. V. *Pis'ma svjashchennika s pohoda 1877–1878 gg.* [Letters of the priest from the campaign of 1877–1878]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1883; Reprintnoje izdaniie: Moscow, GPIB, 2007. 288 p. (In Russian)

- 6 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami russskih v XIX stoletii (v period russko-turetskoj vojny 1877–1878 gg. i do nejo) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of the Russians in the nineteenth century (during the Russian-Turkish War of 1877–1878 and before it)]. *Slavjanskij mir v tretjem tysjacheletii. Rossija i slavjanskije narody vo vremeni i prostranstve* [Slavic World in the Third Millennium, Russia and the Slavic World in Time and Space]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ., 2009, pp. 41–62. (In Russian)
- 7 Kaliganov I. I. Bolgarija I bolgary glazami russskih szenshcin XIX v. (memuary medsestry S. A. Kjonig i vracha N. G. Dragnevich) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of Russian women in the nineteenth century. (Memoirs of the nurse S. A. Koenig and the doctor N. G. Dragnevich)]. *Problemy istorii I kul'tury slavjanskih narodov* [Problems of the history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ.; GASK Publ., 2015, pp. 287–298. (In Russian)
- 8 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami russskoj szenshciny XIX v. (vospominanija o russko-turetskoj vojne 1877–1878 gg. medsestry S. A. Kjonig) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of a Russian woman of the 19th century. (Memories of the Russian-Turkish war of 1877–1878 by Nurse S.A. Koenig)]. *Slavjanovedenije*, 2013, no 1, pp. 99–104. (In Russian)
- 9 Kaliganov I. I. Bolgarija i bolgary glazami uchastnikov russko-turetskoj vojny 1877–1878 gg. (hudosznika-batalista, lejb-medika i kazachjego ofitsera) [Bulgaria and Bulgarians through the eyes of participants of the Russian-Turkish war of 1877–1878. (Battle painter, physician and Cossack officer)]. *Slavjanskije mir v tretyem tysyacheletii. Soglasheniee (soglasije), dogovor, kompromiss v istorii, jazykah i cul'ture slavyanskih narodov* [Slavic world in the third millennium. Commitment (agreement), compromise in the history, languages and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ., 2016, pp. 317–334. (In Russian)
- 10 Kaliganov I. I. Russskije stereotypy v otnoshenii bolgar I Bolgarii nakanune osvoboždenija ot turok (očerok o strane E. N Vodovozovoj) [Russian stereotypes on Bulgarians and Bulgaria on the eve of its emancipation from Turks (essay on the country by E. N.Vodovozova)]. *Problemy istorii i kul'tury slavjanskih narodov* [Problems of the history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISl RAN Publ.; GASK Publ., pp. 278–286. (In Russian)
- 11 Krestovskij V. V. *Sobranije sochinenij: v 8 t.* [Collected works: in 8 vols.] St. Petersburg, 1879. Vol. 5: Dvadtsat` mesjatsev v Dejstvujshchej armii v 1877–1878 godah. [Twenty months in the Operating Army in 1877–1878. St. Petersburg, 1879]. 580 p. (In Russian)
- 12 Nemirovich-Danchenko V. I. *God vojny (dnevnik russskogo korrespondenta). 1877–1878 gg.* [The Year of the War (diary of the Russian correspondent). 1877–1878]. St. Petersburg, Izdanie knizhnogo magazina Novogo vremeni 1878. Vol. 1. (In Russian)
- 13 *Pis`ma iz Bolgarii 1877 g. S. P. Botkina* [Letters from Bulgaria in 1878 by S. P. Botkin]. St. Petersburg, Tipografii M. M. Stasiulevicha Publ., 1893. 376 p.
- 14 Stoyanov. I. *Moskovskiyat slavyanski komitet i balgarskoto opalcheniye* [Moscow Slavic Committee and the Bulgarian militia]. Veliko Tarnovo, Universitetskoe izdatel'stvo “Sv. sv. Kiril i Metodii”, 125 p. (In Bulgarian)
- 15 Juzsakov E. P. *Odin mesjats v Bolgarii* [One month in Bulgaria]. *Sovremennik*, 1860, vol. 84, no 11.